

БАУЭР ИВАН ИВАНОВИЧ

ТАК ГДЕ ЖЕ НАША РОДИНА?

Январь 1929 года выдался в Сибири очень холодным, особенно в Кулундинских степях, где на ровном поле, у березового околка, расположилось немецкое село Подсосново.

День Рождества был ясным и морозным. Со скотиной отец управился рано утром, и вся семья после службы в церкви собралась в избе. Сели обедать. Дедушка в честь праздника, налил всем взрослым по рюмочке вина. После обеда разговорились, дедушка с сыном начали обсуждать новые постройки – недавно были построены деревянный амбар и скотный двор, которые нужно было нынче крыть. Они говорили о том, что если будет хороший урожай, а виды на него имелись – снега выпало много, то можно будет излишки зерна продать и взять хорошие деньги. Да и если продать двух бычков, трех свиней и птицу – тоже будут дополнительные деньжата. Тогда можно будет подумать о заготовке леса, привезти его с помощью родни и соседей, и построить деревянный дом, а то наша старая саманная изба, покрытая камышом, совсем прохудела и вымерзает по углам. А крышу можно будет покрыть жостью. Тесть хороший жестянщик, он обещал сделать эту работу.

Короче говоря, велась тихая мирная беседа о житейских делах и планах на будущее. Во время этого разговора неожиданно в избу вошли трое мужчин, из них двое – жители нашего села, а третий – чужак в кожаной куртке и с наганом. Поздоровались, и этот чужой сказал, что он работник ОГПУ, а двое односельчан являются сельскими исполнителями. Он же и объявил, что Бауэр Иван Андреевич, мой отец, арестовывается за контрреволюционную деятельность, но при этом никаких доказательств виновности отца он не предъявил.

Это событие произошло 7 января 1929 года. По старому стилю это было 25 декабря 1928 года – Рождество – в то время в Сибири все праздники справлялись по старому стилю. Бабушка и мать сразу ударились в слезы, и мы, ребятишки, тоже начали плакать. Отца забрали. Ночевал он в помещении сельского совета под охраной, а рано утром его увезли в город Славгород и посадили в тюрьму. На этой же неделе стали вывозить из нашего амбара зерно, забрали шесть лошадей, три коровы, молотилку, сеялку и веялку. Зерно вывозили трое односельчан: двое немцев и один русский. У нас на все Подсосново был всего один русский. В селе его по фамилии никто не называл, а звали просто: русский Иван. Зерно ведрами ссыпали в мешки и отвозили в колхозные амбары. Отвозил зерно один и тот же житель села, а другой односельчанин и русский Иван оставались на месте. Вот они-то и подсказали моей матери, чтобы она ведрами наносила себе пшеницы в старый саманный куриный сарайчик. Один из них помогал матери переносить зерно, а второй стоял на улице и предупреждал их, когда в конце улицы появлялся возчик, который был коммунистом, тогда они сразу прекращали носить пшеницу. Таким образом, мать запасла столько зерна, что нам хватило до нового урожая. А амбар наш и скотный двор разобрали. Часть леса и пиломатериала израсходовали на строительство летника маслозавода в Подсосново. Остальное перевезли в райцентр Гольбштат.

Отца моего несколько месяцев продержали в Славгородской тюрьме, которая находилась в бывшей купеческой мельнице. После этого его перевезли в город Мариинск (ныне в Кемеровской области). По постановлению коллегии ОГПУ от 16 августа 1929 года отец был выслан в Сибирь сроком на три года. И хотя Подсосново, Славгород, Мариинск и Томск всегда являлись частью одной Сибири – вся эта территория входила в Западно-Сибирский край с центром в городе Новосибирске, но отца отправили на выгрузку леса в Черемушки города Томска.

Постепенно нашу семью обложили налогами, ввели продразверстку, и помаленьку отбирали то свинью, то овечку. Отец отбывал свой срок в Черемушках города Томска, и видел, как зимой людей гнали в ссылку. Детей везли на санях в коробах, при морозе в сорок и выше

градусов, а взрослых вели просто пешком. Отец написал, чтобы мы приехали к нему, но дедушка отказался и сказал, что дома есть дома, а за печкой еще раз дома.

Весной двадцать девятого года умерла бабушка, мать отца, и ее похоронили без него. Постепенно наше хозяйство с одной лошадей и коровой приходило в упадок, нас было у матери трое: два сына и дочь, а дедушка был уже старый. Зимой 1931 года к нам опять пришли, забрали картошку и кадочку с капустой. Один из коммунистов, которые забирали, сказал, чтобы мужики в избе не курили, а то тут дети.

Мать на это заметила:

– От табачного дыма не помрут, а вот от голода – наверно.

Да что толку – они забрали у нас и коня, и корову, которая совсем недавно отелилась. Сестренка, которой шел тогда третий годик, залезла на подоконник и начала плакать и причитать:

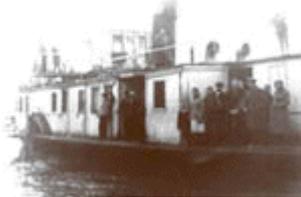
– Мама, я хочу молочка, а корову уводят...

Корову увели, а новорожденного теленка оставили. Мать пошла в сельсовет и попросила, чтобы забрали и теленка, который громко мычал от голода. Так помаленьку у нас все и забрали...

И вот в апреле 1931 года нам объявили, чтобы мы в течение двадцати четырех часов собрались в ссылку. С собой можно было взять по полпуда, то есть восемь килограмм на человека.

А еще зимой старшего брата исключили из школы, как сына кулака. Утром нам объявили о высылке, а днем пришли и забрали последние вещи, даже лампу 7-линейную, что висела под потолком, взяли. Соседи вечером, чтобы мы не сидели в темноте, принесли нам свою лампу.

Чтобы можно было взять с собой побольше одежды, мать и дедушка надели на себя все, что имели, и на нас, ребят, натянули по двое штанишек – и это было все наше кулацкое имущество. Рано утром нас погрузили на телеги и отвезли за двадцать пять километров в райцентр Немецкого района – Гольбштат, где поселили в сараях кирпичного завода, крытых камышом. С одной стороны сараи примыкали к кустарнику, а с другой – была выставлена охрана.

Через несколько дней нас всех опять же на телегах перевезли в город Славгород, где проходила железная дорога. Поселили нас в сараях, где раньше жили куры. Из этих сараев нас уже погрузили в товарные вагоны. Внутри вагонов были сделаны полаты в два яруса. В вагон натолкали столько народу, что даже под полатами лежали люди. Кипяток нам не давали, питались сухарями с холодной, некипяченой водой. Каждая семья для всяких надобностей использовала свое ведро.

Через какое-то время нас привезли на станцию города Омска, но всех держали в запертых вагонах. На просьбы старших открыть вагоны, чтобы вынести ведра с нечистотами и взять хотя бы кипяток, а в вагонах уже были и больные люди, никто не обращал внимания. И только, когда рабочие станции потребовали, чтобы открыли вагоны, только тогда их открыли, но выходить из вагонов никому не разрешили, но хоть стал поступать свежий воздух в вагон. Спустя три дня нас погрузили на баржу, в трюмы, где не было окон, а свет проникал только через входной люк. Нашу баржу и еще несколько других буксировал пароход “Безбожник”. Плыли мы вниз по реке Иртыш, затем вверх по реке Оби и четыреста километров по ее притоку – реке Васюган, и опять без кипятка и вареной еды. Свои продукты давно закончились, а давали нам только заплесневелые сухари.

Многие больные в дороге начали умирать. Их хоронили по берегам рек во время загрузки дров для парохода. На барже был один туалет, но пользоваться им могли только охранники, а для спецпереселенцев, как и в поезде, туалета не предусматривалось. Люди справляли свою нужду на корме баржи, смывая все это водой, которую черпали ведром из реки. Когда один мальчик, лет десяти, оправлялся и соскользнул с кормы в воду, пароход даже не остановили, чтобы его спасти.

В течение месяца, что везли нас по трем рекам, пароход ни разу не причалил баржи к селениям, мимо которых мы проплывали. Баржи всегда причаливали далеко от населенных

пунктов. Сам же пароход причаливал у деревень, где забирался свежий хлеб и продукты для охраны и команды парохода. Нас же кормили испорченными сухарями, взятыми еще в Омске.

И вот настал памятный день окончания пути. Пароход причалил нашу баржу к правому берегу реки Васюган, где на шесте развевался красный флаг и стоял врытый в землю столб, у которого одна сторона была отесана и на ней была крупно написана цифра “10”. Недалеко стоял балаган, крытый берестяной корой. В нем поселился прибывший с нами поселковый комендант по фамилии Барбарук. Пароход к берегу причалил вечером. Кругом раскинулся густой лес, но было светло – летом на севере Томской области стояли белые ночи. Мужчины вышли с пилами и топорами, расчистили небольшую площадку. И все бывшие кулаки, а ныне спецпереселенцы, к утру, наконец, выгрузились. Пароход, забрав пустую баржу, отчалил от берега. На берегу нас встретили только комары и мошка. Дедушка с матерью несли наши вещи. Мать села на пень, посадила сестренку на колени, меня поставила с одной стороны от себя, а старшего брата – с другой, и отмахивала от нас гнус, пока дедушка разводил костер. Сестренке в ту пору шел четвертый год, мне – седьмой, а брату – тринадцатый. Так началась наша новая жизнь на новом месте.

Двумя километрами выше по течению реки был разбит поселок № 11. Там на берег были выгружены и сложены в штабеля мука и соль, покрытые брезентом. Впоследствии наш поселок № 10 называли “Нейгольбштат”, а № 11 – “Тивризом” – по названиям районных центров, из которых мы, кулаки-спецпереселенцы, были выселены. Мужчины прорубили дорогу по лесу к поселку № 11. На третий день все пошли туда за пайком: мукой и солью. Полученные муку и соль в наш поселок каждый принес на спине. На общем сходе мужчины выбрали старосту поселка. По указанию коменданта староста организовал спецпереселенцев на расчистку небольшого участка земли. Стали строить временное жильё: балаганы из тальника. Поскольку сезон снятия коры с березы уже закончился, то крыть крыши пришлось осиновой корой и пластами дерна, вырезанными с луга.

С первого же дня люди начали умирать. Первому умершему сделали гроб из досок, наколотых из сосны. Но умерших становилось все больше и больше. И вскоре уже не из чего стало делать гробы – колоть лес на доски было некогда, и людей пришлось хоронить без гробов, просто заворачивая покойников в полога или простыни. Из-за быстрого и постоянного увеличения смертности поселенцы не успевали копать могилы, тогда пришлось выкапывать ямы и хоронить в них сразу по несколько человек. Почва была болотистая, и грунтовая вода при выкапывании могилы сразу заполняла ее до краев. Из первых могил воду перед спуском покойного еще старались вычерпывать, но потом, отчаявшись, потому что могилы все равно тут же заполнялись водой, хоронили прямо в воду.

Получив первый паек – ржаную муку, озадачились – нужно печь хлеб, а печей нет. Рядом с нашими временными балаганами возвышалась небольшая горка. В ней вырыли ниши, сверху пробили дыру колом, внутри обмазали глиной. Затопили, просушили, после чего поставили тесто для квашенья – дрожжей тоже ни у кого не было. Когда тесто закисло, в подготовленную доморощенную печку посадили хлеб-булки. Вместо заслонки прислонили пень, а отверстие у трубы закрыли дерном. Хлеб получился плохой – снизу булки подгорели, а внутри были сырые, но нужно же было что-то есть. После этого хлеба у всех было сильное расстройство желудка, особенно у детей. Обед готовили на небольших кострах. Кругом бегали белки и бурундуки. Позже летом появились ягоды и грибы. Ягоды рвали и ели, а вот с грибами получилось очень плохо: в Кулундинских степях не было грибов, и переселенцы оттуда не умели отличать съедобные грибы от ядовитых, и собирали все грибы, которые попадались, в итоге очень многие отравились.

Рядом с поселком был чвор (запруда). Дед мой сплел мордушку, тестом из ржаной муки намазал стенки мордушки изнутри. Потом сделал небольшой плотик из сухостоя, связал его прутьями, и, заплыв на нем на середину чвора, поставил эту мордушку. На следующее утро он поплыл на плоту к мордушке, надеясь вытащить ее полную рыбы, но в мордушке сидел только один ёршик, а все тесто вымыло течением. Рыбы в чворе было много, если бы дед правильно поставил две мордушки, то смог бы наловить рыбы для всего поселка. Но в Кулундинских степях не было чворов, только озера, также как и в Тонготурской волости Самарской

губернии, где дед родился и вырос, поэтому он не знал, как правильно установить мордушку, и рыба в нее не попадалась.

В лучшем положении оказались переселенцы поселка № 11. Они жили до ссылки в Тивризском районе Омской области. Там были лес, речки и чворы, и они имели определенный опыт ловли рыбы и сборки грибов. Поэтому они взяли с собой ловушки, наловили рыбы и засолили ее. Насушили и насолили грибов, а также успели вовремя надрать коры для покрытия крыш.

Вскоре был построен дом для коменданта с кабинетом, приемной и квартирой. Потом построили небольшую контору и принялись за строительство жилья. Семьи, где были мужики, заложили себе отдельные дома, а для остальных строились двух-квартирные дома.

К осени из Томска отец прислал нам две посылки с пшеничными сухарями. Моя сестренка в то время была очень плоха – мучилась от дизентерии. Фельдшер Баус выписал на нее пол-литра молока. Так мама делила это молоко на три раза и кипятила и мочила в нем сухари, присланные отцом. Сестренка была очень худая: скелет, обтянутый кожей и животик круглый, синий. Первые дни, как поест, сразу проносило ее, бедняжку, но потом дело пошло на улучшение. Поправляться сестренка стала с висков, а к зиме совсем выздоровела. Когда пошли осенние дожди, балаган наш начал протекать, ночи стали холодными, мы замерзали. Те семьи, в которых были мужчины, уже построили себе избы, а мы, две семьи, все еще жили в балагане-временке. Когда в один из дней выпал снег и к вечеру сильно подморозило, мать пошла к Адаму Кайзеру, который успел построить себе избу, и попросила, чтобы он пустил нас к себе на ночь. Он сразу согласился. Так мы и ходили ночевать по людям до тех пор, пока не построили квартиру и на нашу долю. Дали нам пол избы на две семьи. Нас было пятеро человек и у Мерк Анны, нашей соседки из Подсосново, было четыре человека. Она тоже была без мужа. Мы с ней сначала жили в одном балагане, а теперь нас поселили в одну избу. Но как говорится: “В тесноте, да не в обиде”. Зимой стали готовить клепку для бочек и делать бочки, а также драли дранку для штукатурки.

Зимой смертность еще больше увеличилась – люди умирали уже не только от голода, но и от холода. Копать могилы стало трудно – земля промерзла почти на метр в глубину. Поэтому сначала на земле раскладывали костер, чтобы ее оттаять, а уже потом копали могилу – большую яму. Складывали в эту яму покойников столько, сколько помещалось, и закидывали талой землей наполненную могилу. Потом начинали копать следующую яму, а новые покойники ждали своей очереди. В нашем поселке из-за голода сын убил родного отца Мерка Залмана, зарезал мачеху. После этого зарезал сам себя. В поселке Степановка отец с матерью, Быковы, зарезали собственную дочь, и к тому времени, когда соседи доложили коменданту, часть ее уже успели съесть. У Мерка осталось четверо детей, у Быковых один сын. Всех их определили в Средне-Васюганский детский дом.

Наш отец попросился, чтобы его до окончания ссылки перевели в тот район, куда были сосланы мы, и его перевели в поселок Средний Васюган. Это был старожильский поселок. Здесь отец стал на учет у милиционера. Когда отец устроился работать, он стал ходатайствовать у участкового коменданта, чтобы тот разрешил перевести нас из поселка № 10 к нему. Тот ему пообещал.

Осенью отец тайно приехал к нам на попутном катере и привез нам сухарей. На следующий день он уехал на обласке, пока комендант его не задержал. Еще два раза он присылал нам посылки с почтой. А однажды утром к нашей избе подъехало две подводы – сани с плетеными коробами. Это был почтовый ящик, который привез письмо от отца, в котором тот писал, чтобы мы как можно быстрее собрались и ехали вместе с извозчиком к нему. Ящик специально взял две лишние подводы для нас. Мать быстро надела на нас все, что было, вместе с дедом скидала наши вещи в короба, забрала из школы моего старшего брата, и мы выехали. От нашего поселка до Среднего Васюгана по зимнику было шестьдесят километров, а летом все сто. Отец предусмотрительно попросил ящика взять с собой два тулупа, иначе мы бы замерзли в дороге. Ящик накидал в короб сена, и мать уложила нас туда, всех троих, накрыла одеялом и тулупом. А сами они с дедом пользовались одним тулупом и часто соскакивали с саней и бежали следом, чтобы согреться, особенно мать. Наконец, мы добрались до места. Отец работал столяром в Средне-Васюганском детдоме,

рядом со столяркой у него была большая комната, где мы и поселились. Вечерами и в выходные дни отец делал мебель для местных жителей. От них он получал за сделанные вещи продукты: муку, крупу, картошку, мясо диких и домашних животных, молоко. Нас отец тоже поставил на довольствие, но с его запасами мы справились быстро. Но все же после голода мы отъелись, и стали уже есть нормально.

В конце марта мать вызвали к участковому коменданту. Отец научил ее, что нужно говорить. Поскольку мать не говорила по-русски, то ей пригласили переводчика из числа работников комендатуры по учету продуктов. На вопрос, когда и как она приехала, она ответила: “Так муж писал, что получил от коменданта разрешение, приедет и заберет нас. Но все не ехал, и я наняла извозчика и приехала к нему сама”. На вопрос: “Как фамилия того мужчины, который привез вас?” она ответила, что это был русский, а фамилии его она не знает.

Отец не был в подчинении коменданта – как ссыльный он состоял на учете в милиции, но комендант попросил отца, чтобы тот к нему пришел. Рядом с поселком Средний Васюган, в сосновом бору, отвели место под новый поселок для спецпереселенцев и этот участок нужно было раскорчевать. Комендант попросил отца помочь раскорчевать участок, сказав, что ему отведут участок под усадьбу, где тот сможет построить себе избу. Участок мы раскорчевали, а сколько было лесу на этом участке в 25 соток, заготовили и сложили в штабеля. Но отец купил небольшой домик у старожил на слом. И здесь за старым поселком, взял от сельсовета участок, поставил этот домик, и вокруг опять же раскорчевали участок в 25 соток. Мать поставили работать в спецпереселенческой артели. Когда срок ссылки отца закончился, он поехал летом в райцентр Каргасок, чтобы получить паспорт и документы об окончании ссылки, но его из милиции тут же передали в комендатуру, и он тоже стал спецпереселенцем. Но работать его так и оставили столяром в детдоме.

Вскоре купили корову и несколько куриц с петухом. На вновь раскорчеванный огород навозили навозу со скотных дворов старожилков. Накопали картошки и вырастили капусту на целый год, жить стало легче. Но тут вдруг отца вызвали к участковому коменданту, который сказал, что его направляют в Новый Васюган, за триста километров выше по реке Васюган, для строительства моторных лодок, и увезли его туда зимой 1935 года. Дедушке, ввиду его преклонного возраста, разрешили уехать обратно домой к старшему сыну, который остался в Подсосново, а нас весной, по воде, увезли в Новый Васюган к отцу. Здесь нам опять дали оставленный спецпереселенцами домик, который родители отремонтировали. За рекой Васюган они раскорчевали участок земли, на котором посадили картошку. На следующий год, после окончания строительства моторных лодок, отца опять перевели в Средний Васюган, где он вновь стал работать столяром в детдоме. При переезде в Новый Васюган отремонтированный домик мать продала. На вырученные деньги отец купил у переселявшихся спецпереселенцев две избушки. Одну избушку он перевез и пристроил ее ко второй, так как наша семья тогда состояла уже из восьми человек – к нам приехала бабушка, мать моей матери.

12 февраля 1938 года я только-только пришел из школы, как вдруг двое понятых привели под конвоем отца, произвели обыск в избе, но ничего не нашли. Отца, однако, увели в комендатуру и ночью же увезли. С этого дня мы стали семьей врага народа. Мать в то время работала в детдоме прачкой, но ее, как жену врага народа, оттуда уволили. Тогда комендант направил ее работать в артель “Молот”, где работали за трудодень, на который практически ничего не получали. И здесь нас очень поддержала бабушка, которая стегала одеяла и шила одежду для жителей старого поселка. Жители рассчитывались с ней продуктами и деньгами. Этим мы тогда и жили. Огород у нас был небольшой, почва песчаная, от одной коровы навозу было мало, поэтому картошка уродилась мелкая. Собранного картофеля нам даже не хватило до следующего урожая.

Летом 1938 года комендант направил меня работать в артель на сельскохозяйственные работы. Днем я возил на телеге снопы, а вечером работал на молотилке. 22 августа молотили хлеб для детдома. Во время работы на молотилке в тот вечер со мной произошло несчастье – моя правая рука попала в привод, и я получил тяжелый перелом. В Средне-Васюганской больнице я пролежал четыре дня. Потом меня три дня везли на почтовом катере до районной

больницы. Пока везли, произошло заражение крови и омертвление руки, началась гангрена. Сделали операцию, и я на всю жизнь остался без правой руки.

В 1940 году поднялась большая вода и долго не сходила. Все луга были залиты водой аж до самого августа, а в сентябре опять пошли дожди и вода снова начала подниматься. Покосы оказались под водой, и сена нам так и не удалось накопить, поэтому корову пришлось сдать на мясопоставку, за что мы получили немного денег.

В июне 1941 года началась война с Германией. Мало того, что мы были спецпереселенцами, семьей врага народа, теперь мы еще стали и фашистами. До войны можно было, когда бабушка заработает деньги, купить хлеба и крупы, теперь же все стало по карточкам, а нам, как членам артели, карточки не давали. Мать от артели послали на строительство маслозавода, где ей давали 400 грамм хлеба, которые делились на шесть членов нашей семьи. Зимой матери приходилось работать при температуре 40-45 градусов мороза – она долбила мерзлую землю под летник маслозавода. Председатель артели, Ковригин Иван Ефимович, тоже спецпереселенец, тогда сказал: “Такие семьи, как Бауэр, Дрелинг и другие умрут с голоду в эту зиму”. Но мы выжили, а он умер в эту зиму, но, конечно, не от голода, а от сердечного приступа. В артель назначили нового председателя Подхомутникова Данила Дмитриевича.

Жили мы очень плохо. Младшие ходили по домам и просили что-нибудь поесть, но не все подавали детям врага народа и фашистам. Но мало того, что мы голодали, нужно было еще отапливать избу, а быка или лошадь для подвозки дров нам тоже давали в последнюю очередь. Потому мы, всей семьей, кроме бабушки, шли вечером в лес. Мы с матерью спиливали дерево и отпиливали от него кряжи каждому по возрасту. Первым отправляли младшего брата, ему было шесть лет, потом двух сестренок, а замыкающими шли мы с матерью, и каждый из нас нес вес по своим силам. Так мы перезимовали зиму 1941-1942 года.

Весной появились крапива и другие травы. Осенью у нас открылся рыбучасток. Туда, по разнарядке, артель должна была дать людей, и председатель артели Подхомутников Д.Д. передал на рыбучасток нашу мать. Ее поставили на формовку кирпича на кирпичном заводе. Зимой мать направили на заготовку дров, а меня, как инвалида, табельщиком. Позже перевели сторожем. На рыбучастке нам на всех шестерых, наконец, выдали карточки на получение продуктов, и жить стало немного полегче. Летом 1943 года меня уволили с рыбучастка. Но тут в Среднем Васюгане открыли пристань, которую потом перевели в Новый Васюган. И меня комендант направил работать на пристань. Сначала я работал приемосдатчиком по заготовке дров по всей реке Васюган и притоку Чертала. Протяженность реки Васюган более одной тысячи километров и реки Чертала более пятисот километров. Зимой дороги были намного короче. Я не раз прошел пешком эти дороги голодный и полураздетый, а расстояния между поселками, через которые я шел, были от 20 до 50 километров. Потом меня перевели таксировщиком, а осенью 1948 года после закрытия навигации меня сократили. После этого я поступил на работу в Васюганский райпотребсоюз сначала счетоводом, потом меня перевели в бухгалтеры. Как на пристани, так и в райпотребсоюзе меня часто посылали в командировки, поэтому всегда приходилось отпрашиваться у коменданта, но ездить я мог только по Васюганскому району. Во время работы в райпотребсоюзе, меня хотели отправить на курсы бухгалтеров. Но так как у меня было всего шесть классов образования, то пришлось запросить вызов из облпотребсоюза. Но тут начальник районного отделения милиции Мурзыков на курсы меня не отпустил, заявив, что надо было учиться до ссылки. А когда я сказал ему, что был выслан в 1931 году в шестилетнем возрасте, он заявил, что все равно я ссыльный, и не разрешил мне ехать на курсы.

Сестренку мою отпустили учиться в город Томск в техникум, но из Томска ее отправили зимой обратно, и она пешком, голодная и раздетая в сорокаградусные морозы пришла в Средний Васюган. Братишку тоже не пустили учиться вместе с его сверстниками. Он поехал учиться в Томский лесотехникум только после открепления с учета комендатуры.

В марте 1953 года меня уволили с работы. В трудовой книжке мне записали: “Уволен по сокращению штатов”, хотя фактически никакого сокращения штатов в райпотребсоюзе не было. Просто председателя РПС Полтавченко Г.И. по заявлению второго секретаря райкома партии Абрамова заставили уволить меня как немца, не внушающего политического доверия –

в это время умер “наш родной отец” Сталин... Куда бы я ни обращался, чтобы поступить на работу, меня никто не брал, а написанные мною заявления ни суд, ни прокуратура, ни депутаты не принимали. Доведенный до отчаяния, без денег, а семья к тому времени была четыре человека и только сестренка работала в райфо, да и то не на полную ставку, я обратился в райком партии к первому секретарю, к которому мое заявление ранее тоже не принимали, но тут он принял меня лично. А через неделю меня вызвали в райисполком и направили на работу в ОРС Васюганского леспромхоза бухгалтером.

Весной, в апреле 1953 года, во время уборки помещения в райфо моей сестренкой, секретарь райисполкома Лаптев В.И. взял из приемной райфо пишущую машинку. Когда на работу пришел заведующий райфо, он обнаружил пропажу машинки, и в ее исчезновении обвинили мою сестренку. По настоянию секретаря райисполкома сестренку уволили с работы. Она пришла домой с трудовой книжкой и расчетом, и со слезами на глазах рассказала, как было дело. Я, взбодренный получением работы, пошел сразу к председателю райисполкома Новокрещенову А.Д. и заявил, что мои родители хоть и считались кулаками, но от Советской власти в Нарым не бежали. А родители Лаптева В.И. сбежали, как кулаки, из того же Алтайского края, откуда позже нас выслали. (Все нынешние вольные жители Васюганского района, кроме направленных туда по путевкам партии, в свое время бежали в Нарым от Советской власти). И теперь он, коммунист, украл из райфо машинку, и, обвинив в этом сестренку, заставил ее уволить. Разобравшись, сестренку восстановили на работе, но Лаптева В.И. как коммуниста на должности все же тоже оставили.

Весной 1953 года, когда открылась река, ночью по селу Новый Васюган ездили работники комендатуры на пароконной бричке, которую в народе прозвали бричкой батьки Махно, подъезжали к дому, забирали семьи с вещами на эту бричку и везли на берег. Грузили на паузок и отправляли в деревню, в колхоз, для подъема сельского хозяйства.

Но вот наступил памятный день – 24 сентября 1954 года. Меня вызвали в комендатуру и выдали справку об откреплении с учета спецкомендатуры. Открепление выдавал комендант Непожнюк.

Я сказал:

– Надо же! Досрочно меня освободили, на полтора года раньше!

Он удивился:

– Почему на полтора?

Я сказал:

– Суворовцы служили двадцать пять лет, а я отслужил под комендатурой только двадцать три с половиной года.

И вот теперь дедушка, отец и мать реабилитированы посмертно. Когда нас раскулачили и выслали, мне было шесть лет, старшей сестренке – три года, брату – тринадцать лет. Двое младших родились уже в ссылке. Сначала мы были на учете спецпоселения как кулаки. В 1950 году нашу семью перевели из категории бывших кулаков в категорию спецпереселенцев-немцев на вечное поселение. Теперь нас всех реабилитировали.

В чем мы были виноваты? В том, что родители трудились? Теперь, когда я стал запрашивать документы на реабилитацию, выяснилось, что дедушка, отец и мать не были раскулачены и лишены прав, и имущество наше конфискации не подлежало...

Перед выездом из России в Германию многие спрашивали меня: “Не жалко оставлять Родину и могилы близких?” Но спрашивается, где же моя Родина? Да, мои родители родились на Волге. Отец в Самарской губернии, а мать – в Саратовской. Их еще детьми вывезли в Сибирь, где я и родился. Бабушка по отцу и дедушка по матери умерли в Подсосново, где их и похоронили. Но во время войны все кресты с могил ушли на отопление и теперь эти могилы не найти.

Отец расстрелян, по всей видимости, в городе Колпашево. Весенней водой при подъеме воды в реке Обь, смыло правый берег, где раньше было здание ОГПУ, и из берега начали вываливаться трупы с простреленными головами, трупы даже можно было еще узнать. Их не стали выкапывать, а поставили два буксирных теплохода и

вымыли трупы в реку Обь. К тем трупам, которые не тонули, привязывали железо и топили. И было это все при первом секретаре Томского обкома партии Лигачеве Егоре Кузьмиче.

Дедушка по отцу расстрелян в городе Славгороде и захоронен или на скотомогильнике, или сброшен в колодец. Старший брат похоронен в поселке Вертикоз на Оби и тоже могилы нет. Бабушка по матери похоронена в селе Новый Васюган. Мать похоронена в городе Бердске Новосибирской области.

После смерти моей жены я перевез ее прах и похоронил его на ее родине, в Подсосново. Теперь мы с сестрой переехали жить в Германию. Младшая сестра и младший брат остались в России. У сестры муж русский, у брата жена русская, их дети поженились на русских. Говорить по-немецки ни сестра, ни брат не умеют. Где мы умрем???

Так где же наша Родина?..